

лись, хотя и в небольшом количестве, и памятники, восходящие (через посредство Византии) к античности. Но важен самый характер подбора этих памятников, важно, что именно искали и находили в них переписчики. Большинство апокрифических памятников имело вполне церковный характер — их апокрифичность заключалась только в том, что они не были включены в официальный корпус «писаний»; из античных авторов византийские компиляторы и их русские последователи выбирали высказывания, сходные с духом христианского учения (или приписывали им такие высказывания).

Иное дело — Ефросин. Библейская, апокрифическая, античная и современная литература были для него прежде всего источником знаний. Вот почему он извлекал из доступных ему ничтожных обрывков античной литературы то же самое, что извлекали из них его западные современники-гуманисты, — естественно-научные и исторические сведения. Повторяем еще раз: мы не знаем, к каким выводам приводило Ефросина изучение этого материала и вообще ничего не знаем о его мировоззрении, мы знаем только, какие книги собирал и переписывал этот писец. Но уже интерес к таким книгам, независимо от воли Ефросина, приводил его в противоречие с господствующей церковной традицией.

III

Научные интересы не были для Ефросина единственным критерием при подборе памятников, включенных в его сборники. Не менее важным критерием были для него интересы эстетические, побуждавшие Ефросина переписывать памятники занимательные и ценные в художественном отношении. Об эстетических склонностях Ефросина свидетельствуют нотные тексты, в большом количестве помещенные в его сборниках;¹⁷⁷ об этом же свидетельствуют и многие литературные памятники его сборников.

Господствующая церковная идеология средневековой Руси не знала эстетического подхода к памятникам литературы — любые «басни и кощюны» и «неполезные повести» эта идеология решительно отвергала. Эстетические интересы Ефросина заставляли его обращаться к памятникам устного народного творчества (где художественная струя всегда была сильнее и свободнее, чем в письменной литературе) и к «отреченным» апокрифическим «басням и кощюнам». И в этом случае Ефросин вольно или невольно нарушал хорошо известные ему идеологические нормы: «иде же есть скомрашии речи и пустошная беседа, ту гнев божий и пагуба души, а бесом радость»,¹⁷⁸ — записывал он в своих сборниках, а спустя некоторое время вписывал в эти же сборники явные «скомрашии речи».

Многие памятники в ефросиновских сборниках тесно связаны с устным народным творчеством. В первую очередь среди них следует назвать «Слово о хмеле», помещенное от имени «Кирилла философа словеньскаго» — памятник, оказавший значительное влияние на литературу XVII в.¹⁷⁹

¹⁷⁷ КБ-9, лл. 237—237 об., 276—282, 289—296 об., 299—300 об., 302 («а се имена знамянием...»), 303—307 об., 462 об.; КБ-11, л. 389. — Большинство этих нотных текстов (за исключением КБ-9, л. 462 об.) написано не самим Ефросином, но, как и другие тексты, они отредактированы и пронумерованы его рукой. Рукой Ефросина написаны стихиры в сборнике Кир.-Бел. 306/563.

¹⁷⁸ КБ-22, л. 441; ср. там же «Слово» св. Ефрема «о русалиях рекше о скомрасех» (лл. 356 об—359 об.).

¹⁷⁹ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. II. СПб., 1898, стр. 543—544. Издание «Слова о хмеле» по спискам XVII—XVIII вв. см.: Е. Петухов. К вопросу о Кириллах-авторах в древней русской литературе. — СОРЯС, т. XLII, 1887, № 3, стр. 22—27; несколько иной вариант (вместо «хмеля» монолог произносит «пьян-